

МАГДАЛИНА ШАСТЬ
ЛЮБАНЬКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Магдалина Шасть
Любанька

«Автор»

2020

Шась М.

Любанька / М. Шась — «Автор», 2020

Любанька считает себя некрасивой. Любанька верит только себе. Любанька знает, что любовь - сплошное разводилово. А выпить Любанька любит. Отчего же не выпить? Содержит нецензурную брань.

© Шась М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Деревня	6
Ненависть	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Магдалина Шасть Любанька

С годами я стала относиться к себе лучше. Я забавная. И мне с самой собой всегда очень интересно. На свете просто нет других людей, которых я бы терпела такое продолжительное время, их нет в природе, не существует... А Я есть. Более того, мое доброе сожительство с самой собой с годами только обростаёт все новыми подробностями. Тысячи открытий в себе о себе ежедневно случаются, удивляют, поражают. Ненормально, скажете Вы? Но откуда Вы узнаете об этом? Пока я сама вам не расскажу.

Зря Вы, гражданка, метель метете... Тем более, что Вы вон какая микроскопическая.

Наш рассказ о девочке. Доброй и простодушной, как тульский пряник. Девочке с глазами цвета солнца. Девочке по имени Любовь.

Деревня

Маленькая Любовь с любопытством разглядывала новорожденную сестренку, вальяжно развалившуюся в пахнущей сосновыми ветками детской кроватке. Недовольно запрокинув маленькую головку в розовой шапочке, мелкая то открывала, то закрывала аккуратный ротик в немом вопросе. Крохотные морщинистые ручки и ножки беспрерывно выдавали затейливые па, намекая на скорое настойчивое требование новой порции материнского молока. Вновь и вновь хаотично дергая своими новорожденными конечностями, дитя, наконец, забавно съежило красноватое личико, и громкий, утробный ор наполнил по-утреннему солнечную, еще сонную комнату отвратительными звуками детской истерики.

– Опять орет, да что надо тебе?! Сколько можно?! – измотанная бессонной ночью, Любина мать засемила к орущей дочери, суетливо потряхивая распушенными рыжими патлами, тщетно пытаясь собрать их в неопрятный хвост, – Посрать не даст, что за дите? Люба, ну, уйди отсюда, что ты вечно под ногами? Никакого толку от тебя. Куда ты соску дела? А, вот она... Пойди чайник хоть поставь, чая матери завари...

Испуганная Люба, привыкшая подчиняться авторитету молча, неуклюже спотыкаясь и болезненно стучаясь об косяки, побежала на кухню ставить чайник. Дрожащими от волнения руками она схватила спичечный коробок и неумело чиркнула спичкой, тупо уставившись на вибрирующее пламя. В свои пять лет, девочка уже неоднократно пользовалась газовой плитой и даже пару раз чуть, было, не спалила родительскую квартиру, поэтому обыденная утренняя процедура далась ей легко. Разом вспыхнувшая занавеска еще не успела заполнить комнату едким дымом, как подоспевшая на подмогу нерадивая мамашка (вспомнившая, наконец, чем заканчивались ее предыдущие кулинарные поручения) уже вылила в набиравший силу огонь ковшик воды. Большая часть ковшика опрокинулась на застывшую, как восковая фигура, Любовь, щедро оросив ее глуповатое личико холодной водой.

– Что же это за дети? – запричитала мать плаксиво, в отчаянье сражаясь с остатками огня мокрым полотенцем, – Как же меня это достало! Говорили же – не рожай второго! Как же достало все! – причитанья молодой матери настолько напугали и без того зашуганную, мокрую, как курица, попавшая под хозяйские помои, Любку, что она не придумала ничего нового, кроме, как банально и яростно разреветься.

Пронзительный детский плач ударил по барабанным перепонкам измотанной бытом женщины и, плотно зажав чувствительные уши руками, до хруста в дрожащих нервной дрожью пальцах, она протяжно и громко завывала.

На следующий день угрюмый отец отвез Любку к бабушке в деревню.

– Побудешь тут с недельку, мама приболела, – пряча глаза, выдавил на прощанье папа, виновато целуя Любаньку в ее высокий, пахнущий счастливым детством лоб.

– Приболела?! Какой там – приболела, тварюга ты бесстыжая, – агрессивно заворчала бабушка на зятя, бессознательно привлекая к себе ненужное внимание внучки.

– Но-но! Попрошу уважительно разговаривать, – вскипятился отец, краснея лицом, – Здесь ребенок, между прочим... Любаня, шла бы ты... Иди вон в хату.

– Она тебе машина родильная что ль? – услышала послушная Любка по дороге в дом, – Пока ты с шалавами своими..., – входная дверь с грохотом захлопнулась, оградив нежные детские уши от набиравшей силу взрослой перебранки с переходом на личности.

Любка не знала, кто такие шалавы, но по бабушкиному тону догадалась, что кем бы они ни были, папе с этими загадочными созданиями гораздо интереснее, чем с мамой и с ней. Запахи деревенского быта приятно защекотали носик малышки, истосковавшейся по родительской любви, и она принялась увлеченно изучать содержимое шкафа.

– Я шавава, папа любит меня, – убежденно заявила Люба треснувшему зеркалу по ту сторону дверцы, – Я и Надька шававы, а мама не шавава, она злая. Папа любит меня и Надьку. А маму нет.

Временное частенько становится постоянным и Любанька осталась у бабушки еще на несколько долгих месяцев, наполненных заботой, лаской и жареными пирожками с картошкой.

На шестилетие сосланной в глушь дочери, родители, чувствуя себя немного виноватыми, наконец, прикатили с пакетами и сумками, чем несказанно обрадовали местных сплетниц и саму виновницу торжества. Под звонкий гогот всполошившихся гусей, калитка широко распахнулась и Любаньке явились трое: мама Таня, папа Володя и младшая сестренка, Наденька. Маленькая Надежда, невероятной красоты девочка, с невинным любопытством посмотрела на старшую сестру, ревниво попросилась к маме на ручки и с чувством собственного достоинства икнула. Любанька была сражена кукольным совершенством ребенка и весь вечер пялилась на сестренку, как на божество.

– Что-то Люба совсем растолстела, ни в одно платье не влезет, только зря одежду покупали, – неодобрительно заметила мать, когда они всей семьей сели ужинать, расположившись прямо на улице, во дворе, по деревенскому обычаю, – Поменьше бы кормили, мама.

– Ребенок должен хорошо питаться, – недовольно огрызнулась бабушка, не понимающая моды на болезненную худобу, – к юности перерастет.

– А Наденька и кушает хорошо, и стройненькая. А Люба и от запаха еды поправится, такая конституция, – весело защebetала мать, уплетая вкусные бабушкины вареники с творогом, и игнорируя невразумительные оправдания, – Наденьку в модельное агентство отдам, хоть одна из дочерей в меня.

– Тю, придумала, – запротестовала бабушка, – Модельное агентство...

– Ничего Вы, мама, на понимаете, – перебила ее Татьяна, – Там такие деньги! Такие деньги! Вы таких денег отродясь не видели.

– Вырастет шалавой какой-нибудь, знаю я...

– Мама!

– Мы с Надькой обе вырастем шававами, – выпалила вдруг Люба на автопилоте, услышав знакомое слово. На мгновение шокированные заявлением взрослые оцепенели, и над столом повисло тревожное молчание.

– Лучше не нужно, Люба, – первым взял себя в руки отец.

– Почему? Ты же любишь шавав? – совершенно искренне изумилась непосредственная Любка, смешно округлив глазки.

– Та-а-к, – взбешенная мать побагровела до корней волос и со всего размаха швырнула вилку в тарелку со сметаной. Белые брызги полетели в разные стороны, в том числе и на папины брюки, – Ты и дитю про свои подвиги рассказываешь?! Кобель!

– Истеричка! – завопил отец, выпрыгивая из-за стола, – Невозможно пожрать без скандала! – и поспешно оттирая запачканную одежду салфеткой, побежал за ворота, подпрыгивая, как сайгак.

– Мама, я так не могу! Больше не могу! – запричитала истерящая ревнивица, испугав задремавшую на свежем воздухе Надьку, отчего та захныкала и снова отчаянно попросилась на ручки, – Ах, Наденька, отстань, иди к бабушке! Нет сил у меня. Никаких сил. Сейчас опять будет орать! Невозможно.

– Самогоночки пойду принесу, – решила бабушка авторитетно, тяжело привставая со стула, и поковыляла к погребу, стараясь шадить страдающие подагрой стопы. Минуты две спустя, она торжественно прошествовала к столу, бережно прижимая к груди прозрачную бутылку с мутной жидкостью, – Самогоночка лечит и душу, и тело. Пойдемте, дети, со мной в дом, я вам куколок дам, а мы с мамой поговорим.

А осенью Любку отдали на подготовительные курсы в сельскую школу. Измордованная младшим ребенком и натянутыми отношениями с мужем, мама Таня принять старшую дочь в семью оказалась не готова. Безусловно, Татьяна после Любкиного отъезда в деревню стремительно похорошела и почти полностью восстановила свое душевное равновесие, но полюбить толстую и несуразную девочку никак не могла, поэтому находила сотни поводов увернуться от решения, повествуя о своей нелегкой жизни с преувеличенным драматизмом.

Добрая бабушка жалела Любаньку и была счастлива гладить ее вечерами по смоляным кудряшкам, поэтому на отъезде внучки в город особо не настаивала, соглашаясь, что жизнь сложная штука. Но потом случился первый класс и первый конфуз.

– Это же просто кошмар! Это вопиющее безобразие, – возмущенно завопила училка, совершенно случайно застав Любу со спущенными штанами в мальчуковой комнате общежития, – Я вашим матерям все расскажу! Ремня бы вам всыпать! А ты, Люба, как же ты можешь?!

– Мы не виноваты, – равнодушно изрек самый старший из пацанов, Василий. Вы, Инна Петровна, у нее спрашивайте.

– Вася, как же так? У тебя же сестренка младшая есть! Что же вы творите?!

– Инна Петровна, на что там смотреть? Это даже неинтересно. Мы же не педофилы.

– Вася! Что за слова?

– А то, что никто Любку не раздевал и не собирался. Мишаня пошутил, что некрасивых даже в проститутки не берут. Не прав, видать, самая дорога тебе туда, Люба! В проститутки.

– Вася, что ты несешь? – Инна Петровна схватила оцепеневшую от неожиданного поворота событий Любку за руку и волоком потащила на улицу.

– Люба, как тебе в голову пришла такая пакость? Скажи мне, кто тебя заставил? Скажи, не бойся!

– Никто, я сама, – сдавленным шепотом зашептала пристыженная девочка, тщетно пытаясь освободиться из цепких лап учительницы.

– Скажи мне!

– Я сама, – повторила Любка еще тише и захныкала.

– Да как такое в голову может прийти?! Как девочка сама может такое вытворить?! Они тебе денег дали? Люба, скажи мне!

– Нет-нет-нет!!! – Люба с силой рванула из рук Инны Петровны свою до спазмов нывшую кисть, а почувствовав долгожданную свободу, смачно плюнула в педагогиню жвачкой и дала деру.

В общем, из сельской школы Любку турнули.

Ненависть

Вынужденная принять свою старшую дочь в семью, Татьяна впервые за всю короткую Любкину жизнь поговорила с ней по душам. Она долго и эмоционально рассуждала о том, почему девочка не должна вести себя, как мальчик, чем отличается пол привилегированный от пола угнетаемого и почему нужно культивировать в себе коварство и предприимчивость, раз уж не получилось родиться мужиком. В конце концов, мама Таня запуталась и отправила Любаньку спать.

Единственное, что вынесла из увещаний мамы Люба, это то, что штаны нужно было стащить с обманщика Мишки, а не с себя. Это было бы круче.

Впрочем, городская жизнь немного отличалась от деревенской вседозволенности, и более жесткий контроль со стороны наставников не позволял увлекаться вольностями, поэтому шанс поквитаться с мужским полом за свое оскверненное тело долго Любана не представлялся. Но однажды, когда Любе исполнилось одиннадцать, шестилетняя Надежда привела в квартиру маленького Виталика.

Тощенький и хиленький Виталик стеснительно покосился на смущавшую его рослую девочку с заметными вторичными половыми признаками и потупился.

– Как тебя зовут? – строго спросила Люба пацана тоном прожженной и всезнающей тетки. Тот испуганно икнул.

– Виталик его зовут, – помогла своему дворовому дружку Надька, – Воды хочет попить.

– Воды попить? – голос старшей сестры приобрел металлические нотки, – Бесплатно? Э, брат, нет! Деньги есть? Покажи карманы! Покажи, – Любка сурово нависла над несчастным пацаненком и демонстративно надула давно потерявшей вкус жвачкой пузырь, который с резким щелчком лопнул, – Виталик вздрогнул и попятился назад, к входной двери.

– Нет у меня ничего! – воинственно нахохлился он, уже сто раз пожалев, что поперся в эту злополучную квартиру с красивой и не вызывавшей подозрений Надькой, и уже намереваясь громко расплакаться.

– Да и ладно, – заявила Любовь миролюбиво и оскалилась, явно задумывая что-то более забавное. Не сводя с растерянного пацана нахальных глаз, она вытянула изо рта жвачку грязными руками и снова равнодушно ее зажевала, – Писюлек нам с Надькой покажешь, дам тебе воды.

Надежда возбужденно захихикала, увлеченная запретной идеей, а Виталик, обрадованный тем, что никто не отберет из его кармана вкусную жевательную конфету, заметно расслабился и даже решился предъявить собственные требования.

– Хорошо, покажу, только пусть потом Надька свою покажет, – заявил он решительно, смутно опасаясь получить по шее.

– Не буду я, – стала, было, возражать возмущенная наглостью Виталика Надька, но незаметно подмигнувшая ей сестра остановила ее на полуслове.

– Ладно, покажет, – приняла решение за мелкую Люба, вероломно ухмыляясь. Надежде не оставалось ничего, кроме, как махнуть вьющимися по плечам волосами в знак своего королевского согласия.

Виталик обреченно и задумчиво вздохнул

Цензура

– Все, одевайся! – приказала мальчишке Люба жестко, борясь с неожиданно подступившим приступом тошноты, – Налью тебе воды.

– А Надька?! А Надька?! – заклянул юный, обманутый коварными девочками, пацан, глотая предательски подступившие сопли обиды.

– Обойдешься, – зашипела Любаня сердито.

– Я... я все маме расскажу! – Люба молча развернулась, неторопливо прошла на кухню, всем своим видом выказывая безразличие, налила в стакан холодной воды прямо из-под крана, разрываясь между отвращением и жалостью к мальчишке.

– На! – важно протянула Виталику стакан она.

– Да пошли вы! Обе! – взвизгнул униженный пацан, стремительно кинулся к входной двери и отчаянно вцепился в ручку, – Откройте! Откройте! Откройте! – срывающимся голосом запричитал он и разрыдался.

– Только попробуй рассказать. Слышишь, ты? Тебе все равно не поверят! Понял? – пригрозила Любка, бесцеремонно отодвигая дрожащего в истерике Виталика рукой за шкуру и отпирая дверной замок, – Иди отсюда, бессовестный!

– Не, ну, ты видела? – задумчиво обратилась старшая сестра к скромно притихшей младшей, – Как же с таким жить?

– Ага, – откликнулась обескураженная Надька, не совсем понимая, к чему клонит Любаня.

– Как с таким ходить? Как бегать? Мешается же... Фу, – Люба скривила губы в гримасе отвращения.

– А, угу, – Надежда равнодушно пожала плечами.

– Не, ну как жить? – еще долго не могла успокоиться пытливая Любовь и весь вечер ходила задумчивая и молчаливая, пугая родителей своим отрешенным видом.

После того, как отец попал по пьянке в ДТП, лишился машины и здоровья, Любина мама и вовсе слетела с катушек. Редкие вечера не орали они с отцом на кухне, швыряясь друг в друга тарелками, чашками и кастрюлями, выясняя отношения.

– Я решила поступать, значит поступлю! – закричала Татьяна, решившая, что ей позарез нужно выучиться на юриста, – Надоело прозябать в безденежье! Кто нас будет кормить? Ты что ли?

– Кому ты нужна, корова старая? – язвительно отозвался отец пьяным голосом, – Какой из тебя адвокат? Смешно! Ха-ха!

– Мне всего-то тридцать четыре! Я молодая женщина! – предсказуемо обиделась мама, тщетно пытаясь не расплакаться.

– Я и говорю: старуха!

– Да пошел ты!

– Сама дура, денег не дам, – отрезал грубиян и показал Татьяне кукиш. С чувством собственного достоинства он накинул затертую замшевую куртку на плечи и равнодушно ушел во двор к друзьям, резаться в козла.

В тот вечер мама рыдала особенно громко, разрывая отзывчивое Любкино сердце на части.

– Даже бадик забыл, травмированный! Поскакал, как конь... Молодой. Поняла ты? – обратилась Татьяна к старшей дочери, испуганно выглядывающей из-за угла, и с чувством швырнула кухонное полотенце, которым утиралась, в корзину с грязным бельем, – А я старая...

Мама с новой силой громко и надсадно разревелась, задыхаясь в беспомощной злости.

– Не могу больше! Не хочу больше! Котлеты да стирка, да плита эта засранная! Ничего в жизни не вижу! Ни-че-го!!!

Люба, будучи девочкой деликатной, поспешила ретироваться.

– Я Надьку встречу, – сообщила она маме и, не дожидаясь ответа, побежала одеваться. Несуразное платье в крупный горох делало ее похожей на деревенскую бабищу, но подсказать по стилю было некому. Мать, как и обещала, отдала Надежду в детское модельное агентство, а до старшенькой, страшилки и толстушки, руки так и не доходили.

Когда запахи и звуки уходящего городского лета наполнили легкие грузной девочкой тошнотворной тревогой, она не сразу заметила вдалеке свою вечную обидчицу Нинку с кучкой нарядных подружек.

– Опять привяжется, – чуть слышно буркнула Люба себе под нос, запоздало догадавшись, что неприятной встречи уже, увы, не избежать.

– О, Люба, – осклабилась белобрысая и тощая Нинка в высокомерной ухмылке, – Что ни день, на тебе новое платье. Лен, хочешь такое же? Смотри, какое... Колхоз “Светлый путь”.

– Такое платье у нас Тая-полудурка носит, – отозвалась всегда готовая поиздеваться над ущербными Ленка, – Ей мужики платье задирают, а Тая довольная.

Девчонки весело заржали, обступив несчастную Любку кружком и, с чувством собственного куриного превосходства, указывая на нее пальцами с разукрашенными ноготочками.

– Люба, хочешь, как Тая? Сейчас мужиков позовем, – съехидничала Нинка и тут же поперхнулась, получив сзади неожиданный пинок. Подоспевшая на помощь сестре, Надюшка смело толкнула зачинщицу конфликта в спину, но почти сразу поплатилась. Долговязая Ленка вцепилась Наде в волосы и с силой дернула дерзкую девчонку в бок, чуть было не уронив на асфальт.

– Урою тебя, сука! – неожиданно взбесилась доселе покорно молчавшая Любовь, увидев, как подкосились маленькие ножки любимой сестренки и сбивая хулиганок с толку.

– Чего? – скривила рожу Ленка и тут же получила от Любы крепким кулаком в живот. Когда от резкой боли обидчица отпустила мелкую и согнулась пополам, Любовь нанесла ей второй удар, коленкой в нос. Мелкие брызги крови мигом запачкали подол злосчастного платья.

– Дура, мы же пошутили! – отступила Нинка испуганно.

– Побежали! – предложила Надюха, шокированная смелостью Любки.

– Только посмей мою сестру обидеть! – авторитетно заявила Любовь бледной, как полотно, Нинке и уверенно добавила, обращаясь к Надежде, – Пойдем, а не побежим!

– Как ты их! Молодец! – восторженно похвалила Любаньку сестра, когда они горделиво вошли в свой подъезд.

– Ты молодец! Без тебя я бы так и стояла, слушала этих овец.

– Мы молодцы! Да! – на том и порешили.

В канун Нового года Любину маму неожиданно увезли на Скорой в больницу. Что такое “внематочная беременность” девочка представляла смутно, но то, что мама снова беременна немного ее пугало. Против второй сестренки возражений быть не могло, а если родится какой-нибудь мальчишка? О чем с ним говорить? Во что играть? А ведь еще и любить его нужно будет!

Благо, папа обмолвился, что ребенка никакого не будет. Видимо, решили сдать в детский дом. Оно и лучше. Некуда к ним с Надюхой третьего селить, самим места не хватает.

В тот день отец отправил дочерей к соседке, смотреть мультфильмы, аргументируя свое решение желанием заняться ремонтом туалетного бачка. Соседская дочка, по совместительству Надюкина подружка, уже добрых полчаса увлеченно рассказывала о подаренных родителями на Новый год подарках, непосредственно тыча всякой разной детской хренью прямо Любке в лицо, пока взгляд той вдруг не наткнулся на колоду игральных карт. Точно такую же колоду, только с порнографическими картинками на рубашке, одолженную ей одним хорошим человеком под строжайшую ответственность в глубочайшей тайне, она, по недоразумению оставила дома на столе. Если отец найдет чужое богатство... Даже думать страшно!

– Я сейчас! Я быстро! – игнорируя папин наказ не заявляться домой раньше восьми, объявила Любка Надежде, увлеченно разбирающей игрушки, быстро накинула на плечи старенький красный пуховик и проворно спустилась на два пролета вниз, к своей квартире.

Действуя максимально тихо, она открыла дверь ключом, шмыгнула осторожно, как мышь, в прихожую, а затем в детскую, радуясь, что отца нигде не видно. Карты, разложенные на столе, лежали в той же последовательности, в какой она их оставила, поэтому, успокоившись, Любка аккуратно сложила их в коробочку и задвинула, как можно дальше в ящик. Выдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.